

Алексей Гуськов – личность креативная: он и актёр, и продюсер, и даже президент анимационной кинокомпании. Но широкую известность Гуськов получил сравнительно недавно, сыграв в телесериале Александра Митты "Граница. Таёжный роман" и сериале К. Серебренникова "Дневник убийцы". То, что Гуськов не просто хороший актёр, а тонкий и блестящий мастер, подтвердили две его недавние работы – в картине Георгия Шенгелия "Мусорщик" и в спектакле Кирилла Серебренникова "Откровенные полароидные снимки". Вдобавок ко всему вышесказанному, Гуськов обаятельный, мягкий человек. После встречи с ним в этом абсолютно уверена наш корреспондент Елена КУТЛОВСКАЯ.

– Алексей, вы окончили театральный институт?

– Да, Школу-студию МХАТ. А ещё у меня есть незаконченное высшее образование – это МВТУ имени Баумана.

– Зачем же вы бросили престижную "бауманку"?

– Так уж судьба сложилась, не знаю... Время-то было какое? Театральное! А Таганка какая была?! А какой был Эфрос на Малой Бронной! А чего стоил молодой Васильев!

– Часто после сорока люди разочаровываются в профессии, с вами этого не произошло?

– Нет, наоборот: чем дольше я играю, тем больше очаровываюсь.

– Но вы же не сразу стали заметной фигурой в отечественном театре и кино? Потребовались годы после окончания института, чтобы вы как-то проявились.

– Это вы меня не видели, а я был всегда.

– Вас радует, что журналисты пишут о вас как о телезвезде?

– А кто пишет? Я не знаю. И никакой звездой себя не считаю. Вообще я актёр советского периода, а они не очень-то умеют "продаваться". Их, то есть нас, не учили активно предлагать себя, потому что готовили к условиям, предложенным той системой.

– Но ведь советские условия игры давно сломаны?

– Да. И поэтому те, кто года на четыре, на пять младше меня, лучше выживают в современных условиях. Я сдал политэкономии на "пять", а наутро мне объявили, что всё это ложь. Всё, что я осваивал, объявлялось затем ложным учением. И неважно, касалось ли это азов творчества или азов философии.

В 83-м году, когда я окончил школу-студию, нас театры даже не просматривали. Договорных систем не существовало. Люди рождались в театре N, жили

там и умирали. Какие молодые актёры, если своих было деть некуда?

– И как же вы решили проблему своего трудоустройства?

– Ещё студентом я сыграл в Театре им. Гоголя Горского из пьесы Тургенева "Где тонко, там и рвётся". Главный режиссёр театра Голубовский искал героя. Вот так я трудоустроился. И даже никуда на показы не ходил.

– Почему вы не любите "показываться"? В вас нет здорового авантюризма? Или это чрезмерная внутренняя порядочность, когда человеку сложно себя кому-то навязывать?

– Мне хочется думать, что это второе. Ходить и себя предлагать – в этом есть что-то ненормальное. Этим должен заниматься продюсер. Наверное, поэтому я сам и занялся продюсерской деятельностью. Предлагать себя – не актёрское это занятие.

– Это унижительно?

– Не унижительно, а глупо! В работе необходим паритет – какие-то функции берёт на себя продюсер, что-то делает актёр, а что-то – режиссёр. Когда Кирилл Серебренников говорит

Алексей Гуськов:
"Не актёрское это занятие – себя предлагать".

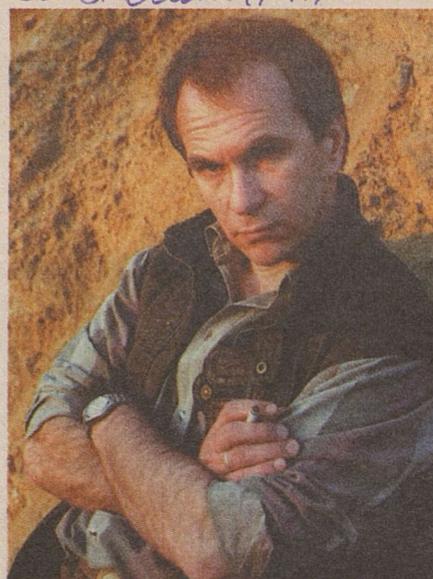
мне, что эту роль могу сыграть я и только я, – ну чудеса происходят с организмом! При таких словах актёр расцветает – поганым цветом или каким другим, но расцветает. В этом весь хитрый Серебренников! Вокруг все удивляются: "Кира, за что вас так актёры любят?" А как же его не любить, когда, подходя к актёру, он смотрит на него влюблёнными глазами и говорит: "Вы самый любимый актёр моей мамы"?

– Вас удовлетворяет статус телезвезды? Насколько я понимаю, телесериалы не дают в плане творческого самообогащения ничего? Кроме популярности, конечно.

– Вас удовлетворяет статус телезвезды? Насколько я понимаю, телесериалы не дают в плане творческого самообогащения ничего? Кроме популярности, конечно.

На съёмках фильма "Граница. Таёжный роман".

В. Горичев

– Ну... я сыграл всего в пяти-шести сериалах. И один из них – суперпопулярный "Горючев и другие". Кстати, один из первых отечественных сериалов. Я помню, как мы снимали в Калуге. Вышли на площадь, и я был тут же окружён аборигенами, а популярные дивы остались незамеченными. Было странное ощущение. И у меня, и у див.

– Я много раз сталкивалась с точкой зрения, которая, кстати, распространена и среди самих артистов: актёру не нужно быть умным человеком, достаточно таланта и харизмы.

– Ерунда! Нужно быть умным в любой профессиональной деятельности! Если ты бежишь на длинную дистанцию, – ты должен уметь анализировать, сравнивать и планировать. Удача в ак-

тёрской судьбе связана не столько с психофизическими данными, сколько с личностным началом. Свою природную психофизику можно использовать один раз, два, три... Но нельзя, не думая, хорошо распорядиться своими талантами. Психофизику нужно уметь организовать в нечто цельное, интересное, профессиональное! Зрителя надо уважать. В зале театра – тысяча мест, но актёр играет только для девяти человек, которые всё понимают и умеют думать. Остальные – я так считаю – пускай подтягиваются к этим девяти. В этом и есть уважение – и к себе, и к профессии, и к зрителю.

– Вы жалеете, что не играли в арт-хаусных фильмах, не замечены в суперинтеллектуальных спектаклях?

– Ну как это? Сейчас, например, я играю у Кирилла Серебренникова в "Откровенных полароидных снимках" в Театре Пушкина. Но! Детей надо кормить и дать хорошее образование. Это стоит того, чтобы соглашаться играть не только в арт-хаусных проектах.

– Раз уж вы сами упомянули вашу работу в спектакле "Откровенные полароидные снимки", то скажите честно: Кирилл Серебренников поставил хороший спектакль?

– И как актёр, и просто как театральный человек, я могу сказать – это действительно очень хороший спектакль. Если бы я в нём не участвовал как актёр, я бы с удовольствием посмотрел его как зритель. И не один раз. Для обывателя, который покупает билет в театр ради того, чтобы сегодня вечером в его жизни что-то произошло, "Откровенные полароидные снимки" – то, что надо.

А. Пашвыкин

Спектакль поставлен по пьесе Равенхилла и, значит, в нём есть такое замечательное понятие, как английская драматургия. Нет ведь понятия "кенийская драматургия"?

– Но есть понятие "русская драматургия".

– Классическая, да... Но уже долгие годы у нас драматургия отсутствует, традиции прерваны.

– Говорят, Николай Коляда безумно популярен на Западе.

– Хорошо, уговорили. Пускай у нас есть эта традиция – назовём её "русской колядской драматургией". Но мне сейчас интереснее английская драматургия с её непрерываемой традицией. В спектакле есть главный вопрос – о тотальном одиночестве. Жизнь – ведь она очень трудная. Да? Ведь очень бывает трудно! И всё это есть в спектакле.

– Радует ощущение собственного профессионализма?

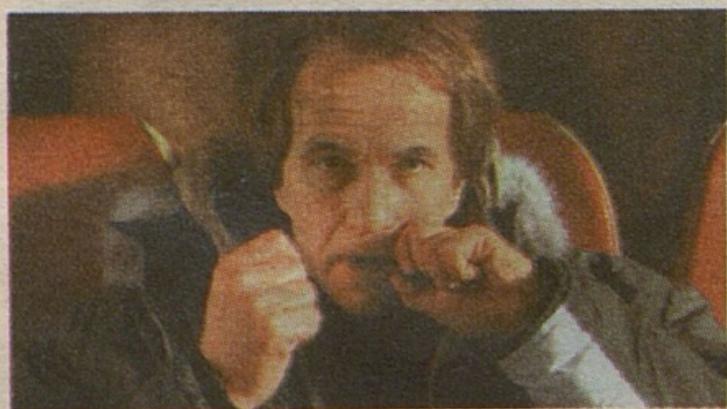
– (Обиженно). Конечно.

– Не обижайтесь. Моя задача – провоцировать вас на разные реакции.

– Да я и не обижаюсь. Я уже оловянный стал, потому что мне за последние годы столько всего сказали... Играть надо уметь не только в спектакле хай-класса, но и в сериале среднего качества. Конечно, есть фанерные сериалы, в которых не хочется работать. Так я в них благополучно и не работаю. Вы понимаете, помимо таланта есть такая немаловажная для искусства вещь – честность. Последнее время мы в кино и в театре часто видим ряженых. Нам показывают якобы наш современный быт. Я говорю не о документальности, я говорю о приблизительности режиссёрского мышления, а в итоге – о приблизительности стиля, приблизительности диалогов, приблизительности пространства и игры. Я иногда работал в некомфортных условиях, и ничего хорошего из этого не выходило. Красивый ребёнок получается, если есть любовь. Если режиссёру не нравится актёр, сценарист, а актёру – режиссёр, то зачем тратить время на скучное общение? Для чего?

И вот ещё что! Самое главное – спокойно относиться к своему творчеству. Каждый может разговаривать ровно на столько букв алфавита, сколько знает. Сколько смог усвоить. Я просто делаю то, что могу делать, но делаю это искренне. Если заблуждаюсь, то тоже искренне. ■

На обложке фото А. Пашвыкина

Кадр из фильма "Мусорщик".